

продукции для потребления, прежде всего, на внутреннем рынке, а не на международном, форсируя экспорт.

России, вступившей в ВТО, необходима программа, координирующая деятельность государства, концентрация и мобилизация ресурсов в науке, технике, технологическом развитии, использования трудовых ресурсов. Необходима также государственная стратегия развития с учетом интернационализации производства, формирование единого экономического пространства и зоны свободной торговли на территории СНГ. Если Россия не вырвется с существующего уровня развития, не выйдет на передовые рубежи научно-технического прогресса, она погибнет как суверенное государство. Международные конкуренты ее уничтожат.

Библиографический список

1. Терентьев Д. Россия в ВТО: первая кровь // Аргументы недели. 2013. № 11. С. 8.
2. Белкин Ю. Вошли в то – не знаем во что // Аргументы недели. Урал. 2011. № 51. С. 2.
3. Аргументы недели. 2013. № 11. С. 9.
4. Оболенский В. Россия в ВТО: первые итоги // МЭ и МО. 2013. № 9. С. 10 - 11.
5. Терентьев Д. Россия в ВТО: первая кровь // Аргументы недели. 2013. № 11. С. 9.
6. Аргументы недели. 2012. № 15. С. 14.

С.В. Лобанов
Институт философии РАН, Москва
П.В. Хрущева
УГЛТУ, Екатеринбург

**КЛАССИЧЕСКИЕ ИНДИЙСКИЕ ТЕКСТЫ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В нашей стране традиция переводов и изучения индийских классических текстов насчитывает уже более двух веков. Уже в 1788 г., через три года после первого английского перевода, типографией Н.И. Новикова был издан русский перевод (А.А. Петрова) «Бхагавадгиты», одного из самых авторитетных и популярных индийских религиозно-философских текстов.

Первым русским индологом был Герасим Лебедев, оставивший описание быта и обычаев индийцев, грамматику хинди и бенгальского языка. С середины XIX в. в Академии наук и в ряде российских университетов развивается изучение санскрита. После яркого расцвета на рубеже XIX-XX столетий российская ориенталистика пережила страшный разгром в 1930-е гг., начала постепенно и с трудом возрождаться в 1950-е, но идеологические проблемы сопровождали ее развитие на протяжении всего советского периода [1], и, после краткого перерыва, проблемы эти возвращаются, но уже в преображенном виде.

Судьба «Бхагавадгиты» в нашей стране спустя 223 года после ее первого здесь появления и впервые за ее более чем двухтысячелетнюю историю совершила такой неожиданный поворот, что привлекла внимание мировой общественности (к этому вопросу мы вернемся ниже). Будучи всего лишь частью эпоса¹, «Песнь Господня» признается одним из авторитетнейших текстов индийской философской традиции, частью «тройственного канона» веданты. Гиту, как и другие две части канона, Упанишады и «Брахма-сутры», в индийской традиции принято комментировать, и в комментариях на эти тексты излагались, как правило, главные философские положения той или иной школы. В начале 1980-х гг. бельгийские ученые Винанд Каллеорт и Шилананд Хемрадж насчитали свыше 50 комментариев на Гиту и более двух тысяч переводов ее на 75 языков [2, с. 16].

Как бы ни была, однако, популярна и авторитетна Гита, в Индии есть тексты, обладающие еще большим авторитетом для индуизма и для ортодоксальных философских школ – Веда. Именно по отношению к Ведам и проходила граница между брахманской ортодоксией и неортодоксальными учениями, такими, как буддизм, джайнизм и т.п. Вед всего четыре, и состоят они из четырех видов текстов: это *самхиты*, сборники (иногда Ведами в узком смысле слова называют только их), *брахманы* (ритуальные правила и разъяснения), *араньяки* («лесные тексты», условно предназначенные для лесных отшельников) и *упанишады* (букв. «подсаживание», собственно философские тексты, понимание которых передавалось напрямую от учителя к ученику). Язык Вед более древний (II – нач. I тыс. до н.э.), значительно отличается от классического санскрита.

На русском языке имеются переведенные Т.Я. Елизаренковой самхиты Ригведы [3] и Атхарваведы [4]. Неакадемический перевод Самаведы выполнен не с языка оригинала, а с английского, Яджурведа же не переведена вовсе. Имеются также переведенные фрагменты корпуса брахман, наиболее древние Упанишады в переводе А.Я. Сыркина [5], «Упанишады

¹ «Бхагавадгита» – часть «Бхишмапарвы», VI книги эпической поэмы «Махабхарата», состоящей из 18 книг. Представляет собой беседу перед боем полководца Арджуны и его двоюродного брата, являющегося воплощением Бога и разъясняющего Арджуне вопросы этики, философии, теологии и сотериологии. Отсюда и название книги: «Бхагавадгита» буквально переводится «Песнь Бога».

веданты, шиваизма и шактизма» С.В. Лобанова и С.С. Федорова [6], а также «Упанишады йоги и тантры» Б.В. Мартынова [7].

Однако необходимо заметить, что тиражи академических изданий невелики, и кроме специалистов-индологов их мало кто читает. В основном обыватель предпочитает получать информацию о священных писаниях индуизма из иных источников.

До сих пор речь шла о текстах категории «шрути» (букв. «услышанное»), существующих, согласно индийской традиции, извечно, не созданных человеком, а лишь уловленных тончайшей интуицией мудрецов-провидцев. Священной и авторитетной, но в меньшей степени, является другая категория текстов: «смрити», т.е. «запомненное». К смрити относятся пураны («древние сказания»), итихасы («быль», эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна») и дхармашастры («наставления в дхарме», правовые, религиозные и этические нормы поведения). Из дхармашастр переведены четыре: «Законы Ману», «Книга мудреца Яджнявалкьи», «Нарада-дхармашастра» и «Вишну-смрити». «Махабхарата» на сегодняшний день переведена почти вся, за исключением XIII книги, «Рамаяна» – две первые книги из семи.

Большинство главных пуран переведено на современные индийские языки и английский; публикация их в английском переводе осуществляется издательством «Motilal Banarsadass», и число томов давно перевалило за сотню. Но отечественная индология обходила пураны своим вниманием, посвященное им исследование существует в единственном числе и невелико по объему [8]. На русском языке доступны фрагменты «Девибхагавата-пураны», «Калика-пураны», «Махабхагавата-пураны», «Деви-махатмья» (шактистский фрагмент «Маркандея-пураны») и отдельные части некоторых других шактистских, шиваитских и вишнуитских пуран. Целиком на русский язык переведена лишь «Бхагавата-пурана», являющаяся базовым священным текстом для кришнаитов.

Для индологов кришнаиты являются двойной проблемой. Первая связанная с ними проблема заключается в том, что именно они, захватив информационное пространство рунета, зачастую создают образ индуизма в глазах обывателя, причем образ совершенно не адекватный.

Главная причина недовольства ими со стороны индологов – приватизация и профанация ими ведического «бренда». Имеет ли отношение к Ведам то, что МОСК (Международное общество сознания Кришны) пытается выдать за некую «ведическую» традицию? Тексты, на которые в основном опирается кришнаитская теология, это «Бхагавадгита» и «Бхагавата-пурана», оба текста относятся к смрити, а не к шрути, не к Ведам. Впрочем, «расширительное» понимание Вед (с включением в это понятие итихас, пуран и т.д.) не является изобретением кришнаитов, но практикуется во многих индуистских течениях. Веды представлены как «коренное писа-

ние» или «корень Знания (Веда)», а прочие тексты – как его «ствол, ветви, листья и плоды». Таким образом, Веда – это «вообще всё» знание и все писания. С тех пор, как брахманизм трансформировался в индуизм, а Шанкара подвёл общий метафизический фундамент под шиваитские, шактистские и вишнуитские культы, когда-то отвергавшиеся брахманизмом как «неведийские», семантика самого понятия «ведийский» расширилась. Нельзя не принимать этого во внимание, когда речь идёт об определении того, что считать некой нормой (пусть и достаточно условной) индуистской ортодоксии. Как правило, более ортодоксальными считаются те направления, где удельный вес «ведичности» выше, т. е. неукоснительно соблюдаются традиции и уклад, характерные для брахманских и др. высших каст. С этой точки зрения гораздо более «ведичны» другие направления вишнуизма, например, мадхваизм. В нём уделяется большое внимание изучению Вед, их комментированию и традиционной рецитации, проведению соответствующих обрядов и вообще поддержанию брахманских традиций, имеющих ведийское и брахманистское происхождение. Поэтому можно считать, что мадхваитам удается сочетать вишнуизм с ведической ортодоксией, чего нельзя сказать о кришнаитах, даже этнических. Собственно Веда они почитают лишь номинально, опираясь в основном на «Бхагавадгиту», «Бхагавата-пурану», сочинения своих авторитетных учителей и т. д. Элементов традиционных практик, идущих от древнего брахманизма, у них несопоставимо меньше, чем у «южных» вишнуитов сект Рамануджи и Мадхвы.

Это связано, в частности, с различием социальной базы тех и других. Если мадхваитами (как и последователями Рамануджи) становилось немало традиционных кастовых брахманов, которые, принимая вишнуизм, сохраняли свои ведийские традиции и жизненный уклад (и они же формировали всю элиту этих сект и определили на века их характерный облик как синтез «ведического брахманизма» и вишнуизма со сложным храмовым культом, развитой схоластикой, кастовостью и иерархичностью), то секта Чайтанья² с ее «санкиртаной» изначально была народным харизматическим движением *бхакти*³, открытым для всех, и не стремилась опираться на ортодоксальное брахманское жречество и его традиции.

«Брахманские инициации» и т.п. в МОСК – это лишь внешние атрибутивные симулякры индуистской брахманской ортодоксии. Так что притязания современных «преданных» (особенно западных) на «ведическую» идентичность представляются совершенно беспочвенными. Более того, сами оригинальные писания чайтаньитов (до их комментированных изда-

² Чайтанья (наст. имя Вишвамбхара, ок. 1486—1533) – религиозный реформатор и проповедник кришнаитского бхакти.

³ Бхакти (санскр. – причастность, любовь, преданность) – движение, отличающееся более или менее последовательным монотеизмом; выдвиганием взаимного доверия и любви в качестве основы отношений между человеком и богом; признанием равенства верующих перед Богом.

ний Прабхупадой и МОСК) на «ведичность» и не притязают подчёркивая, что учение бхакти в версии Чайтаньи выше («трансцендентнее») традиционного ритуализма Вед и прочей брахманской ортодоксии. Кроме того, «тантричности», весьма характерной для Бенгалии, там несоизмеримо больше, чем «ведичности».

Можно сделать вывод, что последователи Прабхупады и др. неочайтаньиты, максимально расширив семантику понятия «ведичности», используют «ведический» (от англ. *Vedic* как калька с санскр. *vaidika*) вместо «индуистский» (*Hindu*), привнося в том числе и в индологию смешение понятий.

Все вышесказанное направлено против терминологической путаницы, а не на принижение вишнуизма, в котором есть ряд положительных моментов по сравнению с древним ведизмом. Среди них можно назвать отказ от архаических жертвоприношений животных, сдвиг от формалистского ритуализма в сторону поклонения в духе *бхакти*, близкого и доступного обычным людям с эмоциональной доминантой, каковых большинство. Доктрина дуалистического вишнуизма несколько напоминает христианскую (признанием существования индивидуальных душ и близкого человеку личностного Божества, учением о спасительной природе любви).

В действительности религия кришнаитов восходит к народным верованиям пастушеских племён Индостана, которые в дальнейшем были развиты в итихасах, пуранах и агамах и соотнесены с Ведами как общим для всех индуистов «коренным писанием». Притязания же кришнаитов на «ведичность», пропаганда неокришнаитского вероучения доморощенными «ведическими лекторами» под дезинформационной вывеской «Веды говорят...». Возможно здесь выявляется упущение индологов и религиоведов, не сумевших популяризовать объективные научные представления, в результате чего кому-то удастся выдать модернизированный и вестернизированный мелкий локальный бенгальский культ с весьма специфическими особенностями за чуть ли не весь индуизм, а себя, утверждая чайтаньитское учение, представлять в качестве распространителей «великого ведического наследия».

Также недоработкой индологов можно считать тот факт, что самым доступным комментарием на «Бхагавадгиту» является комментарий Прабхупады, в то время как до сих пор не переведены и не изданы классические комментарии Шанкары, Мадхвы и др. Однако в последние годы положение улучшилось: в 2008 г. издан фрагмент перевода В. Семенцова «Гитабхашьи» Рамануджи [9], а в 2009 – перевод О. Ерченкова «Гитартахсанграхи» Абхинавагупты [10].

Вторая претензия индологов к кришнаитам связана с их попытками выдать за переводы классических текстов вольные пересказы, которые они предпочитают называть «смысловыми переводами». Надо заметить, что в

этом отношении кришнаиты не уникальны: многие индуистские переводчики и комментаторы прибегают к таким приёмам. Например, Свами Даянанда (основатель движения Арья Самадж), вне всякого сомнения, хорошо знавший ведийский язык, имена практически всех богов в Ведах переводил как имена и эпитеты одного и того же Бога (т.е. исходил из своей монотеистической концепции понимания и прочтения Вед). Нередко «сектантские» комментаторы соотносят встречающиеся в текстах имена других божеств со своим Ишта-дэватой, т.е. «основным», или верховным Божеством своего культа. Например, некоторые вишнуиты считают Шиву, упоминаемого в «Шветашватара-упанишаде», всего лишь одним из имён Вишну. Для этого и сам санскрит даёт некоторые основания. Иногда по контексту то или иное слово, в других местах выступающее как имя собственное и именование какого-нибудь конкретного божества, может выступать как эпитет (поскольку в санскрите прилагательные и существительные чётко не разграничены). Например, «Шива» в зависимости от контекста может означать и конкретно Шиву, и просто прилагательное «благой». Ну, а благой может быть и собственно Шива, и Вишну, и кто угодно ещё. Поэтому адекватное прочтение текстов, а также их перевод и комментирование требуют не только знания языка, но и хорошей ориентации в смысловом пространстве определённой традиции.

Третья причина, по которой религиоведы могут быть недовольны деятельностью МОСК – активное «просветительство», в результате которого в российском социокультурном пространстве за пределами научного сообщества востоковедов создается совершенно искаженная картина индийских реалий. Это относится и к лекционным курсам «ведических лекторов», и к активности кришнаитов в сети, в частности, в Википедии, благодаря чему многие ее статьи, относящиеся к индологии, оказываются далеки от научной объективности.

Индологам остаётся самим вести более активную просветительскую деятельность и популяризировать объективные представления и знания.

Другая проблема индологии, связанная с кришнаитами, – это попытки дискриминации их со стороны РПЦ, инициировавшей обращение в суд томского прокурора. Если бы некие силы задумали кампанию по дискредитации РПЦ и российского судебного законодательства, а также по поднятию рейтинга МОСК, трудно было бы придумать что-либо более эффективное, чем судилище над комментарием Прабхупады к «Бхагавадгите», длившееся с июня 2011 по март 2012 г. Российские ученые были просто вынуждены встать горой за кришнаитский перевод и комментарий, о котором все успели ранее высказаться нелицеприятно. Один за другим не жалующие прабхупадизм индологи либо отказывались от своих слов, либо уверяли, что их слова вырваны из контекста и превратно истолкованы. Те, кто еще недавно утверждал нетрадиционность МОСК и его близость

скорее к новому религиозному движению (НРД), чем к традиционному индуизму, начали утверждать обратное. К кришнаитам было привлечено внимание, их мировой рейтинг взлетел, продажа комментария Прабхупады к Гите в самой Индии увеличилась в несколько раз. Имиджу Томска, российской судебной системы, РПЦ и России в целом был нанесен серьезный удар.

Бурная реакция индийского парламента, чье заседание спикер Мира Кумар была вынуждена дважды прерывать вследствие чрезмерного накала страстей, перетекла в организованное шествие депутатов к посольству России в Нью-Дели для передачи российскому президенту экземпляра «Бхагавадгиты» и обращения с выражением протеста. Посла России в Индии А.М. Кадакина вызвали в индийский МИД для объяснений, где ему оставалось только искренне недоумевать: «Странно, что такое происходит в красивом университетском городе в Сибири, поскольку Томск славится своей светской и религиозной терпимостью». Он также добавил: «Похоже, что даже в таком прекрасном городе, как Томск, есть свои городские сумасшедшие» [11, с. 50 - 51].

В Колкате, столице Западной Бенгалии, особо связанной с вишнуизмом Чайтаньи, к которому возводят кришнаиты свою духовную генеалогию, демонстрация протеста перед Генеральным консульством России остановила уличное движение. А в Махаращтре Верховный суд Мумбаи на основе закрепленного в индийской юриспруденции права на возбуждение «судебного рассмотрения в общественных интересах» (public interest litigation), принял иск от рядовых граждан, возмущенных «бездействием правительства Индии» (The Hindu, 22.12.2011). Суд запросил от центрального правительства информацию, кто из индийских юристов будет представлять Индию в томском суде (DNA, 22. 12.2011) [2, с. 22].

На «томское дело» откликнулись практически все крупные информационные агентства в мире, особенно же активно, разумеется, индийская пресса.

В материале «Русские затеяли несправедный скандал вокруг праведной книги» (The Times of India, 22.12.2011) известный руссист Абхай Маурья из Делийского университета поименно назвал «экспертов» из ТГУ, осуществивших профессиональный подлог. Статья в Ravivar Maharashtra Times от 25.12.2012 заглавием напоминала индийцам маратхскую пословицу «Прочитали ослу „Гиту“, так он такое учудил, что вчерашнее цветочками показалось»; название статьи таково: «Прочитали России „Гиту“, так она...». В тексте же статьи встречается другая пословица: «От вороньего карканья корова не помрет». В статье говорилось: «Чем больше изучаешь „Бхагавадгиту“, тем больше смыслов в ней открывается – это опыт всех, кто ее исследовал. А российским горе-исследователям вдруг попался смысл, которого там вовсе нет – вот ведь что интересно! Многие посвяти-

ли всю жизнь изучению „Бхагавадгиты“, а тут – до каких глубин может доискаться „комиссия из философов“ всего за несколько месяцев, от августа до декабря, – известно только Кришне! И приходится с сожалением признать, что Россия, запуская в небесную высь „Спутники“ и „Союзы“, оказалась неспособной проникнуть в философские глубины».

Индийские газеты пестрели заголовками: «Все это заварилось из-за невежества» (The Asian Age, 21.12.2011), «Цена невежества» (The Asian Age, 22-12-2011), «Образец абсурда» (The Sunday Express, 01-01-2012), «Смешно, что Гиту вызвали в суд» (The Asian Age, 21.12.2011). Письма читателей содержали предложения: «Пора образовывать этих русских. Можно начать с телепоказа 93-х серий „Махабхараты“» (The Asian Age, 21.12.2011); «Нужно отправить кого-нибудь в Томск, чтобы объяснили русским Гиту» (Samna, 27.12.2011).

Статья «Транссибирские пошлости», знакомившая читателей с Томском, завершилась словами: «Симпатичный маленький Томск, прозванный когда-то „сибирскими Афинами“ за преобладание в нем студенчества, был обойден Транссибирской железной дорогой и мог вообще исчезнуть с карты, если бы не его знаменитый университет и технические вузы, а также промышленное производство в период 2-й Мировой войны. Теперь же он воспрял ввысь, продемонстрировав свою власть над работоспособностью индийского парламента» (The Indian Express, 21.12.2011). «Антон Чехов, русский писатель, проезжал через город в 1890 г. и написал в письме своей сестре „Томск – скучнейший город..., и люди здесь прескучнейшие...“. Томичи ответили установкой памятника Чехову, высмеивающего классика. Так, может быть, высечь на камне строки из сочинения, благодаря которому томская недалекость нашла подтверждение?» (Hindustan Times, 22.12.2011) [2, с. 22 - 24].

Ради справедливости отметим, что по отношению к России в целом обвинения в недооценке Гиты несправедливы. Еще в 1907 г. в предисловии к одному из переводов Гиты Максимилиан Волошин писал: «Бхагаватгита – это одно из величайших Евангелий человечества, и поэтому его воплощение на русском языке несёт такие же откровения духу, какие нёс с собой славянский перевод Библии» [11, с. 33].

«Томское дело» вопиет о необходимости «обязательного светского религиозно-этического образования, как в школе, так и в вузах. Знание о религиозном опыте разных конфессий позволяет преодолеть мифотворчество в отношении тех или иных вероучений» [11, с. 57].

Об этом же говорится в письме директора Института философии Российской академии наук, доктора философских наук, академика РАН А.А. Гусейнова: «Тот факт, что это дело вообще возникло, ... свидетельствует о недопустимо низком уровне общей гуманитарной культуры работников судебной системы и неблагоприятном состоянии общества в

целом, в котором находят поддержку ксенофобские и изоляционистские настроения» [12, с. 407].

Вывод из всего вышеизложенного можно сделать один. В той непростой ситуации, в которой оказалась российская гуманитарная наука, необходимо все же изыскивать способы поднимать уровень гуманитарного образования в обществе, которое иначе скатится к нетерпимости и ксенофобии.

Библиографический список

1. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. 1917-1991 / Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб, 2003. 496 с.
2. Глушкова И.П. Способы существования сакрального индуистского текста и образ России в Индии // Бхагавадгита в истории и в современном обществе: материалы всероссийской научной конференции. Томск, 2012.
3. Ригведа: Мандалы I-IV / Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 768 с. Мандалы V-VIII. М.: Наука, 1995. 744 с. Мандалы IX-X. М.: Наука, 1999. 560 с.
4. Атхарваведа (Шаунака): в 3-х тт. Т. 1: кн. I-VII / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2005. 573 с. Т. 2: кн. VIII-XII. 2007. 293 с. Т. 3: кн. XIII-XIX. 2010. 232 с.
5. Упанишады: в 3-х кн. / пер. с санскр., предисл. и комментарий А.Я. Сыркина. М.: Вост. лит., 1992.
6. Упанишады веданты, шиваизма и шактизма: антология избранных упанишад / пер. с санскрита С.В. Лобанова, С.С. Федорова. М.: Старклайт, 2009. 224 с.
7. Упанишады йоги и тантры / пер., коммент. и сост. Б.В. Мартынова. М.: Алетейя, 1999. 256 с.
8. Сахаров П.Д. Мифологическое повествование в санскритских пуранах. М.: Вост. лит., 1991. 136 с.
9. Всеволод Семенцов и российская индология / сост. В.К. Шохин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. С. 319-350.
10. Абхинавагупта. Гитартхасанграха. Комментарий Абхинавагупты на «Бхагавадгиту» / пер. с санскр. О. Ерченкова. М.: Ганга, 2009. 384 с.
11. Тимошук А.С. Филькин К.Н. Томский суд над Бхагавадгитой Свами Прабхупады: сущность, генезис, роль интеллигенции и влияние масс-медиа // Бхагавадгита в истории и в современном обществе: материалы всероссийской научной конференции. Томск, 2012. С. 28-61.
12. Письмо директора Института философии Российской академии наук А.А. Гусейнова ректору ТГУ профессору В.Г. Майеру // Бхагавадгита в истории и в современном обществе: материалы всероссийской научной конференции. Томск, 2012. С. 407-408.